

Юрий Соломин:

«Что мне нравится в Японии – это сохранение традиций»

Знаменитый фильм «Дерсу Узала» надолго сдружил актера Юрия Соломина и режиссера Акиру Кurosаву. В интервью нашему журналу, вспомнив прошлое, Юрий Мефодьевич обнародовал авторскую работу Кurosавы-художника, подаренную ему на день рождения в 1974 году.

Юрий Мефодьевич, в Японии Вы хорошо известны среди наших культурных деятелей. Вы часто у нас бываете. Каковы Ваши впечатления от Японии?

Мои впечатления от Японии самые добрые. С 1975 года, с момента съемок «Дерсу Узала» с Кurosаво-сан, я езжу в Японию довольно часто. Затем был фильм Сергея Соловьева «Мелодия белой ночи» с Комаки Курихара, потом чисто японский фильм «Сны о России»... Малый театр четыре раза был на гастролях, сейчас снова ведутся переговоры. У нас был замечательный продюсер Абэ-сан, который нас возил на гастроли и везде представлял. Это был не только Токио, но и Осака, Йокогама, Нагоя – почти все крупные города. Когда мы готовили первые гастроли (тогда коллектив только избрал меня художественным руководителем), был еще жив Кurosаво-сан. Он тогда дал, я бы так сказал, напутствие и нашему коллективу, и, наверное, мне тоже. Когда в 1979 году я вдруг был приглашен в Болгарию в качестве режиссера, я тогда еще ничего не ставил и даже не мечтал. Я спросил: «А откуда Вы узнали?» И получил ответ: «Как откуда? Кurosаво-

ФОТО: ЮРИЙ КОЛЬЦОВ

сан...» Они прочитали в каком-то журнале слова Кurosавы о том, что, по его мнению, «Соломин-сан мог бы быть хорошим режиссером».

То есть по его рекомендации?

Да. Я тогда был с группой наших актеров, мы отдыхали в Варне. Все: «Давай, давай!» Я говорю: «Что давай? Я никогда не ставил!» Но раз Кurosава говорит, значит – надо. В общем, после этого я стал заниматься режиссурой. Три фильма снял, поставил много спектаклей, и все это под знаком благодарности этому человеку. А вообще мы с ним дружили. Он всегда присылал к Новому году поздравления. Открытку каждый раз он выпускал сам, он же был художником! Писал по-английски: «От Кurosаво-сан Соломину-сан» и «С Новым годом!» И когда я приезжал с театром или подписывать договоры, – в год я бывал по несколько раз, – Кurosава-сан обязательно нас принимал. Если он был не в Токио, а где-то снимал, я ехал к нему. Разница в возрасте у нас была большая, но мне уже тоже 75, а я все равно считаю его своим сенсеем. Он очень много мне дал как режиссеру; конечно, я снимался много, но я ведь во ВГИКе не учился, я театральный артист. «Дерсу Узала» мы репетировали на «Мосфильме», за столом: я, Мунзук (Дерсу Узала), Ногами-сан (его правая рука) и Кurosаво-сан. Мы часами разговаривали, он рисовал раскадровку... Оператор показывал, откуда он будет снимать. Я тогда понял, что такое оптика, монтаж. Озвучивали мы без него, потому что он сказал, что мы лучше знаем русский. Но иногда возвращал нашу работу с замечаниями. Не зная русского, он делал очень точные замечания. Это уникальный человек! Так что у меня о нем память как об учителе. Для нас он навсегда остался режиссером номер один мирового класса.

Вы побывали во многих городах: не только Токио, Осака, но и другие. Что Вас удивляет?

Я очень люблю традиции. У нас, к сожалению, многие традиции нарушаются.

Киноконцерт «Мосфильм»

Для нас он навсегда остался режиссером номер один мирового класса.

*Я не хочу, чтобы люди и дальше
вмешивались в природу.*

Малый театр всегда был традиционным. Новое время всегда рождает новые творческие решения, нельзя топтаться на одном месте. Но и отменять традиции нельзя. Они сами либо выживут, либо умрут. Как в Библии: 10 заповедей, и пока еще ни одна не умерла. Так вот, что мне нравится в Японии – это сохранение традиций. Даже если ты не купишь ничего в магазине, в маленьких магазинчиках тебя провожают до двери, кланяются, говорят «домо аригато». Вот это – традиция. Выхожу как-то из магазина, где ничего не купил, а меня провожает хозяйка. Кланяется и говорит: «Спасибо большое, что Вы пришли!» И я ей: «Спасибо Вам большое!» И чувствую, что также раскланиваюсь. Я потом подумал: Господи, как передается эта культура общения? Как-то меня привезли в Сад камней первый раз. Я пришел и сел, и мне никто ничего не говорил из японцев, мол, по-

молчи... Я сел и стал рассматривать эти камни. Я точно не помню последовательность своих мыслей. Мне говорят: «Юра-сан, пойдем?» Я говорю: «Да, надо идти...» Оказывается, прошел целый час!

И Вы даже не заметили?

Не заметил. Я отключился. Наверное, в этом спокойствии японцы (возможно, молодежь сейчас уже другая), если даже у них какие-то неприятности или несогласие, реагируют тихо, спокойно, пытаются объяснить, либо закрывают глаза, слушая, что человек говорит. Их многое к этому располагает, как Сад камней... А икебана? Мне нравятся ее линии. Это произведение искусства, в нем, может быть, в других масштабах, можно играть спектакль! Представьте, что среди этих растений ходят артисты... Лет десять назад я попал в Японию на какой-то праздник, возле монастырских стен. Там было очень много детей в кимоно и в деревянной обуви. Мне объяснили, что так приучают детей к национальным костюмам. Так что праздники устраивать – это тоже очень важно! Кстати, когда у меня родилась внучка, мне Куросава-сан подарил полный набор детского: и кимоно, и разные пояса, очень много всего.

Молодежь сейчас пытается что-то изобрести, но изобретения часто чреватые. Все-таки зачем заниматься атомом, водородом? Кто-то скажет, что я необразованный человек. Может быть. Но я не хочу, чтобы люди и дальше вмешивались в природу. Пример – пожары этого года. Думаете, это так вдруг жара возникла? Это мы сами дырок в атмосфере понаделали... Что такое – выкачивать из природных недр? Либо должно воспол-

ФОТО: ЮРИЙ КОЛЬЦОВ

Киноконцерт «Мосфильм»

няться, либо будут дырки. А если есть дырки – можно провалиться! Когда мы хотим проникнуть куда-то в недра Земли, мне кажется, надо быть очень осторожными. По-моему, в этом году было самое большое предостережение всем. Все страны пострадали! Я думаю, в этом году нам кто-то оттуда погрозил пальцем и сказал: «Ребята, вы что-то перебрали со своей наукой».

То, что Вы говорите, по-моему, хорошо отражено в фильме «Дерсу Узала».

Мне кажется, этот фильм должен по второму кругу завоевать популярность во всем мире, потому что его главное действующее лицо – природа. Там был немного другой сценарий, более остросюжетный, он слегка напоминал вестерн. Куросава режиссер очень резкий, а этот фильм получился спокойный, как река. Но помните, когда на озере Ханка начинается пурга? Человек ничего не может сделать с этой стихией.

Вы почувствовали какое-то особое отношение японцев к природе?

Есть такой городок небольшой. Тояма, кажется? Там нет домика, чтобы не было хоть кустика маленького перед дверью... Это и в больших городах, но там мне особенно запомнилось. Город небольшой, но какой огромный парк! Около каждого двухэтажного строения обязательно цветочки, обязательно хоть небольшой, но какой-то зеленый уголок. Это очень важное качество. Моя жена не москвичка тоже, из провинции. Она всегда расстраивается, если собаки поломают что-то, что она посадила, чему радовалась. И птиц она кормит, и муху не убьет. Я иногда над ней смеюсь: «Ну, муху-то ты можешь в конце концов?» Она вроде и не против, но потом думает: «Зачем? Все-таки существо...» Может быть, здесь есть перебор, но в нашем поколении это все-таки осталось. Нельзя быть бесчувственным, плохо это. ■

...Как-то оказались мы вместе в одном маленьком российском аэропорту. Шесть утра. Сидим два часа, ждем: ни попить, буфет закрыт, да и вообще 75-й год! Я понимаю, что японцы – люди спокойные, но нужно что-то делать, до Арсеньева еще долго!.. Я спрашиваю: «А буфетчица есть?» Говорят: «Да, там в буфете кто-то есть». «Так позовите ее!» Подошла, спрашиваю, есть ли что-то. Она: «Да ничего у нас нету». «Чай, кофе есть?» «Ну, чай есть, а кофе-то нету...» Подошел дежурный милиционер, меня по другим фильмам узнали. Я говорю: «Ну, давайте, соображайте, это же позор для России будет, если мы японцев не накормим!» Милиционер говорит: «Я сейчас сбегу домой!» Буфетчица к себе домой побежала, он – к себе, кто-то еще... Каждый принес то, что хотел, самое дорогое из еды, что было! Вы понимаете, что это был такой «винегрет»! Все домашнее. Потом,

Подарок

Юрий Соломин: Эту картину никто не видел.

Это Куросава написал?

Да. Он мне подарил ее в 1974 году на день рождения.

О, это очень ценная вещь.

Да, для меня это очень ценная вещь. Несмотря на просьбы, я обнародовал ее только в этом году.

А можно снимать?

Вам – можно.

И даже написал: «Соломин Юрий Мефодьевич-сан»?

По-русски написал, видите? «Куросава».

Это его почерк?

Это он сам написал. Ну, я по-японски тоже могу написать.

Вы написали мне: «Соломин».

Большое спасибо!

естественно, водку принесли... (Как-то в Японии Куросава мне сказал: «О-о-о, это самый хороший напиток!») Это был такой завтрак, что до сих пор, по-моему, все оставшиеся в живых японцы не могут его забыть! Мы всегда вспоминаем с Ногами-сан... Но самое интересное, когда мы часов в семь-полвосьмого садились в автобус, оказалось, что все – и милиционер, и уборщицы, – все имя Куросавы знали! И знали, что он снимает фильм у них в Приморском крае. И они нам в дорогу вынесли то, что мы не доели, и что-то еще. Банку соленых огурцов кто-то притащил! Знаете, это было так трогательно!

Фрагмент выступления Ю.М. Соломина на Международной научной конференции «Наследие Акиры Куросавы в контексте российской и мировой культуры (к 100-летию со дня рождения)». (<http://www.ricur.ru/page.php?r=110#kurosav>)